

«Органы национальной безопасности» состояли из юристов Уолл-стрит,

ярых приверженцев экономического господства США» (1).

Пока Ходж создавал гестаповское государство на юге для подавления корейское движение за равенство, в Госдепе в Вашингтоне были напуганы продвижением коммунизма по всему миру. Как пишет Мелвин Леффлер, «Подробные исследования Госдепа и Совета по международным отношениям в Нью Йорке показали, что» Америка корпораций не может процветать в мире, где доступ к иностранным рынкам, сырью и возможностям для инвестиций ограничен (2). Враждебность США к гитлеровской Германии и милитаристской Японии была связана не с тем, как державы Оси обращались с завоеванным населением – на это лидерам США было наплевать! – а с усилиями Германии и Японии создать экономически закрытые зоны в Европе и в Восточной Азии. Господство Оси в Евразии и экономическое исключение капитала США с европейских и азиатских рынков привело Дядю Сэма к войне в Европе и на Тихом океане.

Соответственно, социализм и революционный национализм за границей угрожали капитализму США в самой этой стране. Социалисты и революционные националисты у власти взяли в своих странах рынки, рабочую силу и сырье под контроль местного населения, закрыв для корпоративной Америки важные возможности получить прибыль и вынуждая капитал США ограничиться деланьем денег дома. Разве **Ким Ир Сен** не национализировал японскую промышленность в Корее, не ввел там планирование для нужд корейцев, тем самым лишив богатых инвесторов и бизнесменов США возможностей

получения с них прибыли? Самый известный тогда в США журналист Уолтер Липпман высказал мнение, что капитализм США не может «выжить в мире, где повсюду еще» контроль у социалистов и революционных националистов, он нуждался в доступе к возможности получения прибыли во всем мире (3).

США всегда были «страной без границ», как это назвал историк Стивен Хан (4). Они всегда расширялись под давлением экономических интересов, вырастая с 13 бывших английских колоний на атлантическом побережье Северной Америки до обширной континентальной империи, основанной на захвате земли коренных американцев, что вдохновило потом мечты о lebensraum (жизненном пространстве) Гитлера и схожей войны Муссолини за spaze vitale. Испанско-американская война добавила США еще территории, некоторые из которых, как Пуэрто-Рико и Гуам – и сейчас фактически колонии США. Сначала экспансию двигало стремление рабовладельцев к захвату земель, а потом – промышленников к захвату рынков и возможностей для инвестиций. «Основой растущих геополитических амбиций США», - писал Бжезинский, ссылаясь на испанско-американскую войну и Доктрину Монро, «потом оправданную предположительной доктриной "предначертания", была быстрая индустриализация экономики» (5), которая требовала доступа к заграничным рынкам и сырью. Проблема была в том, что народы других стран не всегда хотели давать промышленникам и инвесторам США доступ к своей рабочей силе, рынкам и сырью – по крайней мере – не на таких условиях, которые позволяли инвесторам и управляющим получать жирные барыши, пока местное население оставалось бедным или ввергалось в нищету. И иногда инвесторы и промышленники других стран хотели не допустить попадания иностранных рынков и сырья в руки их конкурентов из США.

Послевоенная Западная Европа была экономически слаба, и в США опасались, что проблемы региона не помогут поддержать репутацию капиталистической экономики, на которую уже смотрели с подозрением европейцы, пережившие Великую Депрессию – то есть, на провал капитализма. Было ясно, что капитализм не сможет вытащить Западную Европу из послевоенного болота, и в США знали, что это может означать поворот к более привлекательному коммунизму. Посол США в Италии предупреждал Вашингтон, что «по всем полученным нами данным...коммунисты постоянно усиливают свое влияние» (6). В западной оккупационной зоне в Германии голодные бунты привели к тому, что военный губернатор – генерал США Люциус Клей выразил тревогу о том, что он назвал "растущим коммунистическим движением". Французские консерваторы предупреждали Вашингтон, что местные коммунисты – завоевавшие огромную популярность своей ролью в Сопротивлении – могут взять власть. В Греции коммунисты также возглавили Сопротивление и получили значительную поддержку масс. Если бы США не смогли подавить рост коммунистических партий, обширные территории могли бы стать недоступны для компаний и инвесторов США (7). В то же время, если бы коммунисты укрепили свой контроль в Манчжурии и северном Китае, считали в США, богатства этого региона достанутся местным антиколониальным и антифеодальным

силам, которые используют их на благо местного населения, на развитие региона, в ущерб прибылям для капитала США (8).

Трумэн забил тревогу – мир все больше поворачивался к коммунизму, и это не сулило ничего хорошего бизнесу США – в своей важной речи о внешней политике в университете Бэйлор в марте 1947 года. Президент США заметил, что разрушения экономик многих стран во время войны и потребности восстановления вынуждают правительства обратиться к централизованному планированию в ущерб свободе рынка и предпринимательства. Это угрожало США, предостерег Трумэн. Если Вашингтон не примет меры, корпоративная Америка буде вынуждена жаться в сузившихся экономических пределах (9). Социализм и революционный национализм за границей угрожали системе свободного предпринимательства США (10) - то есть, угрожали подорвать возможности получения прибылей богачам – владельцам крупнейших предприятий США. Трумэн не представил проблему именно в таких выражениях, он заявил, что на кону стоит американский образ жизни, но на самом деле опасность угрожала акционерам и финансистам, чье богатство зависело от свободного доступа к мировым рынкам, сырью и рабочей силе.

Трумэн предвидел возможность того, что врожденные слабости капитализма могут привести к разрушению системы. «Если страны центральной и средиземноморской Европы согнутся под тяжестью отчаяния и станут коммунистическими, Скандинавию ждет та же участь. Стратегически и экономически важные регионы Северной Африки и Ближнего Востока последуют за ними. Переход Западной Европы – второй по величине промышленной зоны в мире, и важных регионов, которые неизбежно за этим последуют, резко изменят положение США. Если окажется, что и ослабленная Великобритания не сможет пойти против течения, произойдет катастрофа» (11). Другими словами, гегемонами станут силы, чьи ценности – ценности Просвещения – равенство и единство. Экономика будет перестроена на основе национализации средств производства, организована по плану и руководима целью удовлетворения человеческих потребностей, взамен основанной на частной собственности на средства производства, организованной рынками с единственной целью – получения меньшинством (классом капиталистов) – прибыли, ренты и процентов.

Власти США опасались, что коммунистические правительства придут к власти в промышленном центре - в Западной Европе и Японии - на волне массовой поддержки. Эти правительства взяли бы под свой контроль местные экономики через госпредприятия и провели бы программы планирования развития промышленности для достижения социального и экономического благополучия населения, чего оно было лишено во время великого кризиса капитализма, охватившего мир в 1929 году.

Тем временем антиколониальные движения на периферии империализма планировали провести в жизнь сходную программу. Они собирались построить плановую экономику, используя национализацию, государственную собственность на средства производства, субсидии местным производителям, контроль за иностранными инвестициями и другие меры, чтобы вытащить свои страны из зависимого положения в мировом разделении труда. Полтысячелетия колониальные империи накапливали огромные богатства грабежом периферии, создав «великое расхождение», в котором страны центра ушли вперед в экономике, военном деле, технологиях и культуре, а ограбленная периферия отставала.

Коммунистическое движение, с упором на социальном и экономическом обеспечении в центре и национальном освобождении на периферии, вызвало вопли ужаса в Вашингтоне – это была враждебная идеология, которая, как они боялись, могла отдать богатства Евразии под контроль широких народных масс. Условия в послевоенной Германии и Японии – экономическая разруха, деморализация и широко распространенное разочарование в капиталистическом экономическом порядке, с точки зрения властей США были той плодородной почвой, на которой могло бы процветать предпочтение плановой экономики и социального обеспечения (12).

Трумэн и его советники «были на самом деле полны мрачных предчувствий», заметил Леффлер. «Рост самостоятельности и государственного планирования, усиление коммунистических партий», утрата иллюзий населением Японии и Германии, и «жизненная сила революционных националистических движений» предвещали сдвиг в сторону большего равенства и демократизации в мировом масштабе(13). Правители США видели себя борцами в колоссальной геополитической схватке, чей исход решал, уцелеют ли гегемонистские США, или погибнут (14). Если не повернуть вспять коммунистический натиск, то корпорации и инвесторы США будут вынуждены довольствоваться только США, так как народы других стран организуют свои экономики в своих интересах, а не в интересах Уолл-стрит. Политическая экономика США – на верхушке которой находились ее главные выгодополучатели – небольшой численно, связанный родством и браками класс капиталистов (банкиров и промышленников) - оказалась под угрозой более опасной, чем когда-либо, рожденной движением рабочих и колонизованных "недочеловеков", возникшим в результате большевистской революции(15).

Восстановление Японии стратеги США считали ключом к разгрому растущему движению за "демократию" в Азии. Японии нельзя было позволить стать коммунистической, потому, что тогда социалистический блок получил бы огромные преимущества. Армия квалифицированных рабочих и мощная промышленность попали бы в руке движения за строительство нового мира, в котором эксплуатация человека

человеком была бы запрещена. Соотношение сил в мире сдвинулось бы против США и их корпоративной элиты в пользу всемирного движения рабочих и освобожденных народов колоний (16).

Но как восстановить Японию? Политики США опасались, что нужда в оживлении японской экономики заставит японских политиков снова обратиться к Манчжурии, Северному Китаю, Тайваню и Корее – традиционным источникам сырья и продовольствия (17). Но эти регионы теперь были частью под контролем коммунистических сил Мао Цзедуна и **Ким Ир Сена** и могли вскоре целиком оказаться под контролем руководства, которое будет использовать центральное планирование, госпредприятия и кооперативы для развития своей экономики и будет настаивать на том, чтобы продавать сырье только на условиях удовлетворения нужд своего населения, если вообще будет его продавать. Не войдет ли Япония в коммунистический Восток?

В 1947 году для стратегов США было ясно, что неспособность Японии к экономическому выздоровлению была на руку японской компартии, чья популярность крепла вместе с разочарованием людей в капиталистической экономике и связанной с нею экономических кризисов и промышленных войн на уничтожение (18). Коммунизм, как заметила Сара Пэйн, «находил отклик у японской бедноты, угрожая» власти плутократов (19). Если лишить Японию доступа к ее бывшим колониям, ее экономика не выйдет из кризиса, и настроения в пользу коммунизма как выхода из него станут неодолимыми (20). Япония, с ее квалифицированной рабсилой и развитой промышленностью, была самой ценной страной Азии, с точки зрения США. Эта ценность могла уплыть из рук США (21). Коммунистическая Япония стала бы образцом для всего мира. Коммунизм в России и Китая был в невыгодном положении из-за начальных условий. Но мощная промышленная экономика направленная на развитие человеческих способностей, а не на получение прибыли, и направляемая целями социального и экономического обеспечения, стала бы кошмарным врагом в идеологической борьбе за сердца и умы человечества.

Более того, высокоразвитая Япония, включенная в мировое коммунистическое движение, помогла бы промышленному развитию Китая, СССР и других соцстран. Большевики ранее ожидали, что промышленно передовая Германия придет на помощь Красной России после своей собственной социалистической революции. Ленин и его товарищи когда-то надеялись, что революционная Германия поможет построению социализма не неразвитой России. Теперь в США опасались, что Япония может сыграть ту роль, которую большевики ожидали от Германии.

Ключом к возрождению японской экономики и таким образом к исключению возможности возникновения коммунистической Японии, как считали в США, было усиление связей Японии с ее бывшими колониями, включая Тайвань и Корею. В то же время нужно было установить новые связи с периферийными экономиками для замены старых, разорванных революциями в Китае и Северной Корее. Рынки и сырье юго-восточной Азии должны были заменить потерянные в результате коммунистического наступления в северо-восточной Азии (23). США планировали сеть, которая обеспечит Японию сырьем, рабсилой и рынками Южной Кореи, Тайваня, юго-восточной Азии и Персидского залива (23).

Однако этот план имел и свои трудности. Революционные националисты в Индонезии и Вьетнаме, выгнав японцев в конце войны, теперь угрожали свергнуть колониальное господство, которое Западная Европа пыталась восстановить в своих колониальных владениях. Если бы освободительные силы победили, было маловероятно, чтобы эти страны вернулись бы к своей прежней роли поставщиков дешевой рабсилы, сырья и возможностей для инвестиций для богатых японцев (24).

Усилия жителей Индокитая освободиться от французского колониального господства означали еще одну проблему. Уже ослабленная войной, Франция вела дорогостоящую кампанию ради сохранения своей империи в юго-восточной Азии, тратя кровь и деньги, что усугубляло экономический кризис в метрополии. Французский капитализм зависел от грабежа колоний. Но расходы для удержания этих владений перед лицом революционных движений угнетенных угрожали обанкротить Францию. Это означало выигрыш для французской компартии, которую все больше французов считали предлагающей единственно разумный выход из кризиса.

С точки зрения Вашингтона, было необходимо потушить пламя вьетнамской борьбы за независимость. Не считая угрозы, которую победа Вьет Мин означала бы для капиталистических интересов Франции, если армия Хо Ши Мина победит, народ Малайи мог бы взять с них пример и попытаться сбросить ярмо Великобритании. Малайя была важным источником олова и каучука, и долларовая выручка Британской империи от грабежа малайского народа поддерживала на плаву финансовое благополучие Лондона. Экономика Англии не смогла восстановиться после войны. Лондон был экономическим инвалидом и больше не мог подавлять революционные националистические движения в своей обширной колониальной империи (25). Было маловероятно, что Англия переживет такой удар. Поэтому США пришлось вмешаться во Вьетнаме, чтобы приостановить дальнейшее ухудшение экономического положения Франции, которое усиливало рост влияния коммунистов во Франции, и чтобы помешать движению за независимость в Британской империи, которое угрожало экономической катастрофой в самой Англии, создавая плодородную почву для укоренения и расцвета

коммунизма. Для Вашингтона последствия продвижения коммунистов и революционных националистов были мрачны – это означало больше экономической территории для развития местного населения, поражение капитализма в Западной Европе и Японии, растущие шансы коммунистической революции в сердце «развитого» мира, и все это угрожало планам создания всемирного капиталистического порядка под руководством США.

В этот момент надвигающегося краха на сцену выступил госсекретарь США Джордж Маршалл. Чтобы стимулировать экономику Японии, чтобы приостановить растущую популярность коммунизма, Корейский полуостров – как можно большая его часть – должен был снова включиться в сферу влияния Японии. В конце января 1947 года Маршалл послал записку своему заместителю Дину Ачесону: «Пожалуйста, прикажите составить план организации правительства (южной) Кореи и связи ее экономики с японской» (26). Суть плана Маршалла спасения капитализма в Японии была в том, что оккупационную зону США в Корее нужно было превратить в государство, союзное США, что означало политический раздел Кореи без видимого конца.

Корейцы не просили разделить их страну. Большая часть была решительно против раздела, и Голгофа для миллионов – мрачный исход войны, которая началась спустя три года для отмены этого раздела – свидетельство этого неприятия. Те немногие корейцы, которые не возражали, принадлежали к определённому меньшинству – в основном антикоммунисты, пособники японцев и не менее рьяные лакеи американцев. Решение организовать правительство Южной Кореи было в пользу японских промышленников, финансистов и торговцев на службе у строительства империи США и против всемирного движения за свободу, равенство и солидарность.